

**Максим
РАЗУМКОВ**

**ГРЯЗНОЕ
БЕЛЬЕ
КРЕМЛЯ**

ЗАКАТ ГЕЙРОПЫ и РОССИИ



«Грязное белье» Кремля

Максим Разумков

Закат Гейропы и России

«Яуза»

2014

Разумков М.

Закат Гейропы и России / М. Разумков — «Яуза»,
2014 — («Грязное белье» Кремля)

Мир сошел с ума. Запад катится в тартарары и тащит за собой Россию. Белая христианская цивилизация капитулирует перед нашествием варварских орд мигрантов и разгулом этнической преступности, засильем гомосексуальной и феминистской мафии, кощунством воинствующих безбожников и «бешеных вагин». Европа на глазах вырождается в Гейропу, повторяя судьбу Содома. Тотальная ДЕГЕНЕРАЦИЯ – только так можно охарактеризовать эту «либеральную» чуму, теперь докатившуюся и до России. Кто стоит за этим заговором против человечества и оплачивает гей-парады, шабашки извращенцев и наезды на Церковь? Есть ли шанс остановить этот Марш Дегенератов, заткнув «мультикультурных» кликуш, «рукопожатных» иуд и продажных «борцов с экстремизмом»? И не пора ли России заявить: ПРОЩАЙ, НЕМЫТАЯ ГЕЙРОПА! – и вспомнить слова Дж. Оруэлла, автора самой страшной антиутопии XX века: «Во времена всеобщей лжи говорить правду – это экстремизм!»

© Разумков М., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Максим Разумков

Закат Гейропы и России

55-му

Февраль очередного страшного 2013 года. Девятилетний(!) мальчик Аарон Дагмор, как обычно, пришел домой из школы, в которую ходил уже несколько месяцев после переезда семьи в этот район Бирмингема. Сегодняшний школьный день мало чем отличался от всех предыдущих. И потому ребенок понимал – что выхода нет. Он – Белый! Все другие одноклассники – «тожеангличане» из африканских стран, Ближнего Востока и еще сам черт знает из каких закоулков планеты Земля, будут его избивать и унижать бесконечно. Сегодня Аарона не спасла даже игровая площадка возле *школы*, где он обычно старался спрятаться во время перемен. Старшеклассники и одноклассники раскрыли его тайное убежище, снова избили со словами «хороший белый – мертвый белый» и даже пытались сексуально надругаться. Запершись в своей комнате, мальчик смастерил петлю и свел счеты со своей очень короткой и несчастной жизнью в «родной» Британии. Газета «Дейли Мейл» назвала маленького Аарона самым юным самоубийцей Туманного Альбиона. Чиновники британского Минобразования и директриса «школы» заявили родителям мальчика: «Мир меняется, и **вы не можете этому помешать**». Сами британцы (не «тоже» – а именно **британцы**) благоразумно промолчали, опасаясь репрессий. И только в далекой по европейским меркам Испании неравнодушные люди пикетировали английское посольство с плакатами «Нет, мы не допустим, чтобы **они** забирали наших дочерей и сыновей!».

Несколько позже в России директриса московской школы № 847 некая Ирина Жданенко *проявила солидарность* со своей британской коллегой и уволила двух учительниц с формулировкой «За разжигание межнациональной розни». Учителя пытались прекратить угрозы и давление на славянских учеников со стороны других учеников – «тожероссиян» из кавказских, закавказских и среднеазиатских республик. Кто знает, чем бы все закончилось, если бы не статья в «Комсомольской правде» и тысячи гневных откликов от родителей учеников и просто читателей в защиту честных учителей, в которых было выражено общее требование: «Проверить директора 847-й школы Жданенко на ее связи с криминальными диаспорами». Мы еще вернемся к этому случаю подробнее позже. Там есть масса любопытных нюансов.

2013 год – далее. В Париже более миллиона человек выходят на улицы города с требованием отменить легализацию однополых браков. А в Швеции одуревшие от безделья и щедрых пособий мигранты (*несчастные* беженцы из *понятно* каких стран) принимаются крушить все вокруг себя. В Лондоне двое «тожеангличан» афромусульман среди бела дня демонстративно перерезают горло английскому солдату на улице во имя Аллаха. В Москве при задержании насильника-педофила – «тожероссиянина» из Дагестана другие дагестанцы проламывают череп оперативнику МУРа, собирают свои арбузы и спокойно уезжают при бездействии районных прикормленных *полицейских*. Во Франции мусульмане громят полицейский участок из-за штрафа, выписанного за ношение паранджи. Почти в то же время в российском городе Пугачев уже местные жители устраивают беспорядки. Властями в город вводится бронетехника. Повод для беспорядков (для очередной и, к сожалению, не последней «Кондопоги») – очередной зарезанный кавказцами местный парень, наступивший на все те же грабли – наивно принявший предложение кавказцев разобраться *честно, по-мужски, один-на-один на кулаках*. Чуть ли не каждый месяц обнародуется новая статистика следственных органов Российской Федерации о все возрастающем устрашающими темпами процентном количестве совершаемых тяжких преступлений (в том числе по изнасилованиям женщин, стариков и детей) со стороны закавказских и среднеазиатских мигрантов. Цифры зашкаливают за 80 %! В статистику, есте-

ственно, не попадают те, кто *разными путями* уже обзавелся заветными российскими паспортами, а также представители *некоторых коренных народов России*. Но даже опубликованные с подобным соблюдением строжайших формальностей цифры вызывают доходящие до истерики протесты со стороны так называемых «правозащитников», причисляющих себя к этнической либеральной интеллигенции, и так называемых «евразийцев», считающих себя «патриотами» России *до последнего русского*. В Германии ультра-феминистки требуют от Евангелистской церкви заменить обращение к Богу «Господь, Отец наш» и начать называть Его... матерью. И Церковь идет на попятную! В то же время во Франции и Англии другие феминистки требуют слово «мать» из официальных документов убрать вообще. В Швеции обсуждается *закон*, по которому мужчинам законодательно будет запрещено справлять естественную нужду стоя, и Стокгольм обгоняет Нью-Йорк по числу изнасилований. В Норвегии министр по делам детей и гендерному равноправию обещает ввести в начальной школе предмет под названием «инцест». А в Америке государственные органы США готовятся легализовать 30 видов «сексуальной ориентации», фигурирующих в списке психических расстройств Американской ассоциации психиатров: инцест, зоофилию, некрофилию, педофилию...

2013 год. Мир Европейской христианской цивилизации стоит на пороге чего-то. Чего-то страшного и очистительного...

Пролог

Паноптикум уродов, или Толерантность шагает по Земле

Во времена всеобщей лжи говорить правду – это экстремизм.
Джордж Оруэлл

Раньше по Земле шагала коммунизм. Был даже придуман гордый слоган: «Коммунизм шагает по земле». Но не только. И капитализм, и империализм, и фашизм, и монотеизм, и еще много кто в истории человечества по земле шагала. Шагала тяжелым грубым шагом хозяина – завоевателя умов и судеб людских. Но с конца двадцатого века фривольной *порхающей* походкой по планете стала дефилировать некая странная субстанция под названием «толерантность». И в цивилизованной части земного шара смела со своего пути все некогда могущественные «измы». Что же это за чудо чудное такое? Что же это за сила сильная, пред которой все бессильными оказались?

Открываем словарь медицинских терминов:

«Immunological Tolerance: толерантность – это неспособность организма вырабатывать антитела, а мозг – лучший иммуностимулятор, и потому ...»

Нет, что-то не то. Что-то не совсем хорошее, судя по словарю. Не может же такое *нехорошее*, которое мозг человеческий губит, так вольготно вышагивать. Или с мозгами у человечества совсем плохо?

Но – нет. Не туда я сдуру смотрел. Нужно было не в какой-то медицинский словарь смотреть, а сразу – в устав Организации Объединенных Наций:

«В соответствии с Декларацией принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995 г.) толерантность определяется следующим образом:

ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям...»

Характеристика определения толерантности в Преамбуле Устава ООН звучит следующим образом: *«Проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи».*

Ага – это уже что-то похожее на всесильное и победоносное философское учение. Прям новая реинкарнация земного рая выходит. Тут тебе и *устойчивая гармония*, и уважение, и мир с добрососедством. Звучит весьма неплохо. Что ж плохого, если **все** люди на земле будут уважать друг друга, уважать чужую культуру, сотрудничать, а не лезть со своим уставом в чужой монастырь? Что ж плохого, если никто не станет навязывать и выпячивать собственную религиозную конфессию, как единственно верную: не станет делить людей по конфессиональному признаку на неверных, которых **любыми** методами нужно загнать в свое вероисповедание, или на скотов, кои вообще за людей не считаются и *истинной веры* даже недостойны?

Как видим – сплошь благие намерения. И все бы хорошо, но только наши неглупые предки когда-то не зря придумали фразу: «Благими намерениями выложена дорога в ад».

Так давайте же разберемся, что принесли цивилизованному миру фривольно порхающая по планете толерантность и идущие с нею рука об руку ее подружки-товарки – политкорректность и мультикультурность?

Глава 1

Восхождение трехглавой царицы

Солнечным апрельским утром возле недорогого мотеля в городе Мемфис остановился белый спортивный «Мустанг». Из машины вышел поджарый русоволосый мужчина, достал из багажника брезентовую сумку и направился в здание мотеля. Администратору он представился Джоном Уиллардом. Путешественник снял комнату за 4 доллара, чтобы передохнуть после долгой ночной дороги. Обычная история. Сейчас человек примет душ и завалится спать, а после продолжит путь туда, куда ему надо.

Однако когда назвавшийся Джоном Уиллардом переступил порог комнаты и закрыл за собой дверь, его поведение в привычный стереотип укладываться перестало. Мужчина не раздеваясь прошел в ванную комнату и достал из своей сумки разобранную винтовку с оптическим прицелом. Подготовив оружие, он зарядил его разрывными пулями и занял позицию у окна. Напротив, через дорогу, располагался другой мотель, гораздо более дорогой и комфортабельный. Вытянутое двухэтажное здание мотеля «Лоррейн» просматривалось как на ладони. Стрелок отыскал нужное ему окно на втором этаже и стал ждать. Даже через прицел, и даже в огромном, в полный рост окне были видны лишь смутные силуэты. И потому стрелок не торопился. Лишь только тогда, когда окно-дверь распахнулось и на террасу вышел плотный чернокожий мужчина, стрелок выстрелил. Разрывная пуля в голову не оставила никаких шансов борцу за права негритянского населения Мартину Лютеру Кингу.

Это убийство произошло в 1968 году. Вполне возможно, оно произошло *не совсем так*, как описано выше. Почему? Да хотя бы потому, что даже вдова доктора Кинга не считала Джеймса Эрла Рея (так звали предполагаемого убийцу-одиночку) виновным. А еще потому, что мелкий уголовник Рей перед этим только что сбежал из тюрьмы, где-то сразу же раздобыл высокоточное оружие и машину, пользовался кучей поддельных документов, после убийства скрывался по липовым паспортам сначала в Лондоне, а после в Португалии. Как-то не слишком вяжется с уголовником-одиночкой, накануне совершившим побег. Скорее что-то из рассказов о рыцарях плаща и кинжала, не правда ли? Или же... но об этом чуть – позже.

Как бы там ни было, убийство борца за расовые права с моральной стороны окончательно и бесповоротно закрепило принятый ранее Конгрессом США Закон о запрете расовой дискриминации. А еще при жизни самый молодой лауреат Нобелевской премии мира Мартин Лютер Кинг после своей гибели был удостоен невиданных почестей:

«Епископальная церковь США признала Кинга мучеником, отдавшим жизнь за христианскую веру.

Его статуя размещена в Вестминстерском аббатстве Лондона в ряду мучеников XX века.

Кинг был выдвинут в помазанники Божии, и считалось, что он стоял у истоков демократических достижений движения в защиту гражданских прав.

Кинг был первым темнокожим американцем, кому был установлен бюст в Большой ротонде Капитолия в Вашингтоне.

Третий понедельник января отмечается в Америке как День Мартина Лютера Кинга и считается национальным праздником.

О жизни Кинга снято множество фильмов и написано множество книг, переведенных на десятки языков».

Само убийство вызвало волну где искреннего, а где злорадно-притворного возмущения по всему миру. А в США прокатилась невиданная вакханалия уличного террора:

«Это убийство вызвало общенациональное возмущение, сопровождавшееся бунтами чернокожего населения более чем в ста городах. В федеральной столице дома горели в шести кварталах от Белого дома, а на балконах Капитолия и лужайках вокруг Белого дома разместились пулеметчики. По всей стране 46 человек были убиты, 2,5 тысячи ранены, а на подавление беспорядков были брошены 70 тысяч солдат. В глазах активистов убийство Кинга символизировало несправедливость системы и убедило тысячи людей в том, что ненасильственное сопротивление ведет в тупик. Все больше чернокожих обращали свои взоры к организациям, подобным «Черным пантерам».

Официальная правительственная версия, которую впоследствии суд закрепил 99-летним обвинительным приговором, гласила, что убийцей являлся маньяк-расист. Маньяк специально сбежал из тюрьмы, чтобы убить чернокожего активиста Кинга. Общество, причем не только негритянские организации, в версию одиночки не поверила. И обвинила в заговоре ФБР и власть имущих белых расистов. И действительно, судя по фактам, трудно поверить в версию одиночки. Но неспроста еще древнеримский юрист Кассиан Лонгин Равилла рекомендовал судьям задаваться вопросом: «Cui prodest» – «Кому выгодно»? Кому было выгодно создавать из искреннего и убежденного человека жертву как символ борьбы, когда закон об отмене дискриминации **уже был подписан**? ФБР, Ку-клукс-клану, белым расистам в правительстве, потомкам плантаторов-рабовладельцев?

Давайте не будем искать ответ на этот вопрос. Слишком много аналогий *неудобных* может возникнуть с другими «временами и народами». Лучше подытожим, что смерть Мартина Лютера Кинга провела окончательную черту в умах граждан Америки – возврата к прошлому быть не может. С любой, даже самой критической и радикальной позиции, закон об отмене дискриминации выглядел правильным. Взглянем беспристрастно на положение вещей глазами **того времени**, абстрагируясь от того, что происходит сегодня. Америка – по сути, страна эмигрантов. Как такового коренного, исконного и моноэтнического народа нет, если не брать в расчет загнанных в резервации и также в те времена лишенных многих прав индейцев. То есть все равны, все граждане одной страны без «пришлых», поскольку «пришлыми» могут считаться в равной степени все. Тогда почему к негритянскому и другому цветному населению применяются унижительные ограничения? Допустим, повсеместная сегрегация, послужившая толчком не только к массовым протестам, но и быющая по экономике страны:

*«По законам города Монтгомери в Алабаме, чернокожие граждане не должны были занимать в автобусах первые четыре ряда. Ибо они – «только для белых». А если все места «только для белых» были заняты, то сидящие чернокожие должны были уступить белым пассажирам и свои «черные» места... 1 декабря 1955 года 42-летняя чернокожая швея из Алабамы Роза Паркс не уступает место белому мужчине в Монтгомери. Ее арестовывают... В том же году, в Монтгомери, в автобусах арестовывают еще пятерых женщин, двоих детей и множество черных мужчин. Одного чернокожего белый водитель застреливает на месте. Тогда, по инициативе Мартина Лютера Кинга чернокожие жители города объявляют всеобщий бойкот общественному транспорту... В это время автобусные компании **несут значительные убытки**, – так как в городе чернокожие – это 70 % от всех пассажиров автобусов.*

Штат Арканзас. Год 1957-й. Сентябрь. Первый день занятий. Девять чернокожих детей пытаются пройти в школу, а их со штыками встречают вооруженные солдаты Национальной гвардии штата. Толпа белых запугивает детей: угрозы, оскорбления. Одна из школьниц, Элизабет Экфорд, делится воспоминаниями своего первого школьного дня: «Я подошла к школе и наткнулась на охранника, который пропускал белых учеников. Когда я попробовала протиснуться мимо него, он поднял свой штык, потом это же самое сделали и другие охранники. Они так враждебно смотрели на меня, что я очень испугалась и не знала, что делать.

Я обернулась и увидела, что сзади на меня наступает толпа. Кто-то выкрикнул: «Линчевать ее! Линчевать ее!»

Убивают черного подростка. Проступок негра серьезный, он заплыл в озере на сторону «для белых». Следуют массовые беспорядки в Чикаго с серьезными жертвами».

Итак, даже из той малой толики перечисленных примеров можно сделать вывод, какими глазами смотрел на происходящее обычный, лишенный расовых предрассудков человек **того времени**. Не нужно также забывать, что этнический состав населения Америки в те годы был кардинально иным, нежели сейчас. Белое население составляло абсолютное большинство. (Забегая чуть вперед, прошу не ставить мне в пример *официальную* перепись населения США от 2010 г., с окончательным оглашением результатов в ... 2083 году! По этой переписи белое население там и сегодня составляет большинство (80 %), однако факты из независимых источников говорят прямо противоположное.) В общем, лишенный предрассудков человек сердобольно и искренне верил, что расовые ограничения для чернокожего меньшинства должны быть сняты окончательно. Так разве это плохо? Разве что-то было неправильным? Абсолютно правильным. И динамично развивавшееся американское общество, наряду с экономическими успехами, правильность этого вывода подтверждало. До определенного момента.

Хотя с этим тезисом взаимосвязи (бурно развивающегося **до определенного момента** гражданского общества, и как следствие экономическим скачком вперед) можно поспорить. Как так? Это почему же? Ведь невооруженным глазом видно, что во второй половине XX века американская экономика...

Не будем торопиться. А пока достаточно привести пример из мира спорта. Бывает так, что работает тренер, строит скрупулезно команду, но успехи не такие большие и быстрые, как хотелось бы руководству. Да и накладки случаются досадные. Тренера решительно меняют под радостное одобрение фанатов, а у новичка, что называется, «поперло». Сразу, с ходу, в первый же сезон! А во втором все куда-то «сдувается». Тогда-то дальновидные люди начинают понимать, что все успехи – на багаже, оставленном первым тренером. А после него – пустота.

Но вернемся в *мрачные* времена маккартизма. Того самого сенатора Джозефа Маккарти, с именем которого связывают «охоту на ведьм» – притеснения коммунистов, социалистов, инакомыслящих, борцов за права различных меньшинств в 50-х годах прошлого века. И вспомним еще одну категорию угнетаемых (почти без сарказма и кавычек). А также кое-какие любопытные параллели с убийством в Мемфисе найдем.

* * *

Мало кому известный сенатор-республиканец от штата Висконсин Джозеф Маккарти впервые прославился на всю Америку в начале 1950 года. В городе Уилинг в Западной Вирджинии он произнес речь, в которой заявил, что государственные органы США напичканы коммунистами и завербованными подрывными элементами. А уже к концу года был принят закон о «внутренней безопасности» и было создано специальное подразделение по контролю за подрывной и антиамериканской деятельностью. Что немаловажно – даже несмотря на противодействие президента США, в обход его вето. Кроме президента Трумэна, против начавшегося из ниоткуда маккартизма выступили очень влиятельные фигуры Вашингтона. Например, госсекретарь Ачесон и министр обороны Джордж Маршалл – тот самый автор экономического плана. В общем – весьма влиятельные люди против были. Но нашлись те, кто **влиятельнее** президента США, госсекретаря США, министра обороны США и еще многих других оказались. И закон заработал.

Под понятие «подрывные антиамериканские элементы» подпали не только скрытые или явные коммунисты. Речь зашла о разных слоях общества. К примеру, о части голливудских

актеров и режиссеров, о борцах с расовой дискриминацией, о профсоюзных деятелях и... о представителях секс-меньшинств. Логика в отношении последних была простой: если человек склонен к сексуальным извращениям – он и в остальном неблагонадежен. Но самое главное – такой человек уязвим с точки зрения возможности шантажа и вербовки вражескими (т. е. советскими) спецслужбами.

Здесь следует пояснить положение представителей секс-меньшинств в США в те годы. Оно было достаточно нейтральным. Разумеется, гомосексуализм, допустим, считался психическим заболеванием, афишировать его было не принято, и в пуританской Америке он считался пороком. Но вместе с тем всем было по большому счету наплевать, с кем коллега по работе или сосед по дому проводит свой досуг за закрытыми дверями. Если двери действительно *закрыты*, естественно. Позорно, конечно, если кто-то что-то разносит – ну, так, на то она и интимная жизнь, чтоб чужих в нее не впускать. Однако с принятием закона о «внутренней безопасности», сложившемуся моральному равновесию, когда одни не выпячивают, а другие лишний раз не суют нос, пришел конец.

Комиссию по расследованию возглавляли сам Маккарти и его помощник Рой Кон. Допускались даже анонимные обвинения. Если на кого-то из работников государственных органов поступал сигнал, что он сочувствует коммунистам или является гомосексуалистом, человек немедленно увольнялся. Что интересно, количество выявленных сторонников коммунистической идеи в кулуарах Белого дома оказалось меньше количества лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Не обходилось и без курьезов. Так редактор журнала Time Уиттакер Чамберс, бывший в молодости коммунистом, но позже пересмотревший свои взгляды, обвинил своего прежнего сподвижника, ставшего госчиновником, в утаивании членства в компартии. На суде, однако, выяснилось, что когда-то они являлись не только идеологическими единомышленниками. И, состоя в партийной ячейке, не только Маркса там изучали. В результате Чамберса выгнали с поста за «голубые грешки молодости», а его бывшего однопартийца посадили на 5 лет за сокрытие партпринадлежности.

Помощник Маккарти Рой Кон, в свою очередь, взял в комиссию собственного помощника для работы в подкомиссии. Постепенно поползли нехорошие слухи, которые Кон гневно опровергал. Но с окончанием эры маккартизма и охоты на разнообразных «ведьм» он в открытую до старости жил с однополыми партнерами, пока в итоге не умер от... СПИДа.

Другой видный сторонник сенатора Маккарти, знаменитый глава ФБР Эдгар Гувер также впоследствии назывался гомосексуалистом. И не он один.

Ну и как апофеоз на закате короткой эры маккартизма в 1952 году газета Las Vegas Sun обвинила в гомосексуальности самого Маккарти. Ему даже пришлось спешно жениться на собственной секретарше. Как тут не вспомнить притчу, что наиболее ярые борцы за трезвость – бывшие или латентные алкоголики.

Не знаю, был ли сенатор Джозеф Маккарти в душе еще и скрытым коммунистом, но вот что любопытно. Его эра закончилась так же быстро и неожиданно, как началась. Словно по невидимому сигналу. В 1953–1954 годах Маккарти стали бойкотировать конгрессмены в Конгрессе. В Сенате всякий раз, когда он появлялся на трибуне, сенаторы покидали зал заседаний, а галерея для представителей прессы пустовала. Его уже игнорировал и новый президент Эйзенхауэр. Американское общество считало дурным тоном поддерживать идеи опального сенатора. *«В 1955 году он внес свою последнюю резолюцию в Сенат касательно изменения строя в странах, принимающих социализм, которая была отклонена 77 голосами против 4. Слушания по его делу были закончены, этот процесс не освещался ни на радио, ни по телевидению с целью стереть Маккарти из памяти зрителей».* В итоге он начал пить и через два года, в 1957-м, окончательно спившись, умер.

Но именно годы расцвета Маккарти, как считают исследователи, послужили толчком к выходу из подполья представителей сексуальных меньшинств Америки. Именно тогда, по сло-

вам гей-активистов, геи и лесбиянки Америки стали организовываться и приняли решение открыто вести борьбу за собственное признание. В 1957 году психиатр Эвелин Хукер провела исследования своих студентов-гомосексуалистов, сенсационно объявив их психически полноценными людьми. В итоге в 1973 году коллегия опекунского совета Американской психиатрической ассоциации приняла-таки постановление, согласно которому гомосексуализм исключался из числа психических заболеваний. Этому предшествовали зачастую нарочито агрессивные акции и демонстрации геев на протяжении нескольких лет. Такие, как побоище в Нью-Йорке в Гринвич-Виллидже возле бара «Стоунуолл Инн», когда полицейский патруль едва заживо не сгорел в загоревшемся помещении, спасаясь от толпы разъяренных гомосексуалистов, швырявших в патруль не только камни, но и расчески, окурки, недопитые пивные банки – все, что было под рукой. Наутро на улицах начались беспорядки, в которых приняли участие несколько тысяч человек. Спустя месяц в разных городах США начали возникать боевые группы гомосексуалистов: такие, как нью-йоркский «Фронт освободительной борьбы геев». Впрочем, акции этих *боевиков* не были кровавыми. К примеру, во время обеда в окно столовой на обеденный стол гомофобного сенатора Хейла была брошена «бомба» из... человеческих фекалий.

Но так или иначе, кое-что на размышления наводит. Особенно, если вспомнить слова историка лесбийского движения Лириан Фэйдерман об этих акциях, ставших:

«...органичным продолжением целого ряда массовых акций протеста, которые в 60-е годы устраивали темнокожие, студенты, безработные и обездоленные. Акция протеста гомосексуальных меньшинств была бы абсолютно невозможной в какое-либо предшествующее этому периоду истории время. Даже если бы она и произошла, то никогда бы не приобрела столь сильный общественный резонанс».

Что ни говори, а без искусственного «катализатора» в виде маккартизма процесс борьбы за права разных меньшинств не был бы таким скорым. И не имел бы такой моральной поддержки в обществе. Другими словами: если бы не было сенатора Маккарти, его стоило бы выдумать.

Кстати говоря, конец пятидесятых – начало шестидесятых прошлого века ознаменовались в Америке еще и так называемой второй волной феминизма. Если в первой волне XIX века движение суфражисток сосредоточивалось на таких вопросах, как избирательное право, то вторая волна шла под лозунгом «Личное – это политическое». Этот лозунг подразумевал, что власть имущие (мужчины) подвержены сексизму и отводят женщинам только роли домохозяйки, воспитательницы, объекта сексуальной эксплуатации. Причем, по мнению феминисток, делалось это чуть ли не на правительственном уровне. Активистка Бетти Фридан написала книгу «Загадка женственности», в которой высказала мысль, что воспевание на протяжении веков женской красоты, нежности, любви к женщине как к жене и матери, специально придумано мужчинами, чтобы не позволить женщинам самореализоваться в жизни. Газета The New York Times в 2006 году назвала «Загадку женственности» одной из наиболее влиятельных публицистических книг XX века.

И снова, казалось бы, трудно что-либо возразить. Разве есть что-то плохое в том, что женщина в современном мире имеет право на свободу, самореализацию, возможность делать карьеру?

Ну, и подытоживая разговор о рубеже пятидесятых-шестидесятых годов в Америке, о времени, последовавшем вслед за осуждением маккартизма и «охоты на ведьм», давайте вспомним еще один исторический факт. В середине 1950-х некто Антон ЛаВей организовал сообщество «Орден Трапезоида». ЛаВей перепробовал множество профессий. В разное время был цирковым рабочим, бродячим музыкантом, фотографом в полиции, исследователем паранормальных явлений, был связан с подпольными сионистскими группами в Сан-Франциско,

которые помогали поставлять оружие для террористической организации «Иргун» во время израильской войны за независимость. И, наконец, создал «Орден Трапезоида», ставший впоследствии... управляющим органом Церкви Сатаны. Церковь Сатаны была основана в Вальпургиеву ночь 30 апреля 1966 года в Сан-Франциско и вскоре была внесена в реестр **официально признаваемых религий США**.

Итак, вслед за временами, когда «неблагонадежные» попадали в черные списки, из университетов изымались «подрывные» книги, а на всех уровнях расцвело доноительство, в Америку пришли времена невиданных дотоле свобод. Политических, религиозных, сексуальных, расовых – практически любых. Чуть позже, в 1965 году, широкое распространение получило движение хиппи. Аккурат в тот самый год, когда началось полномасштабное военное вмешательство США во вьетнамские дела. Хиппи были ярыми пацифистами и помимо своего самого известного лозунга «Make love, not war» («Твори любовь, а не войну!») прославились другим: «Off The Pig!» («Пошли вон свинью!»). Кто-то считал, что под «свиньей» подразумевался армейский пулемет М-10, а кто-то, что правительство Соединенных Штатов.

В принципе, можно все эти события рассматривать просто как очередной виток истории. Не проводить никаких аналогий и не усматривать закономерностей. Развивалось себе американское общество неспешно по восходящей, чтит традиции. Например, иммиграционная политика строилась на том, чтобы отдавать приоритет высокообразованным иммигрантам из европейских стран. И в большей степени из стран Северной Европы, жители которой, кроме ирландцев, в большинстве исповедовали протестантскую веру. Это делалось, чтобы сохранить национально-религиозные пропорции и не нарушить их. Озвучивался девиз – «лучше меньше, но лучше». Во времена маккартизма ко всему прочему ужесточились требования к политической благонадежности иммигрантов, вкуче скажем так, с достойным моральным обликом. Однако уже с пятидесятых годов, с момента заката и осуждения Маккарти и его сторонников, все громче раздавались призывы об отмене национальных квот как противоречащих принципам демократии и национального равенства. Как следствие в 1965 году (в том самом) был принят закон под названием «Immigration and Nationality Act of 1965». Этот закон изменил прежние приоритеты. С его принятием впервые в истории Соединенных Штатов Америки количество прибывающих в страну иммигрантов с европейского континента перестало быть большинством. И если присмотреться внимательно, глядя из сегодняшнего далека, то простым витком в истории все эти моменты уже не кажутся. Давайте задумаемся. Итак, развивалось неспешно общество, чтит традиции, сохраняя моральный баланс и не делая резких движений. Неожиданно *кому-то* понадобилось «закрутить гайки» до предела, что вызвало отторжение по всей стране. И так же неожиданно все перевернулось на 180 градусов. Причем во всем. Расовые ограничения сняты, иммиграционные по нацпризнаку тоже, религиозные свободы достигли наивысшей точки (далее просто некуда, раз до Сатаны добрались). Сексизм осужден окончательно – женщина свободна во всем, даже от *неприятности* быть любимой и желанной. Сексменьшинства больше не преследуются полицией за совокупления в общественных местах. (Это не преувеличение и не метафора, мы об этом ниже поговорим.) Ну и напоследок то, против чего так яростно выступал сенатор Джозеф Маккарти. Проникновение в общество *тлетворных* левых, коммунистических и пацифистских идей. «Off The Pig!» – как говорили хиппи. Не слишком ли много всего и сразу для естественного хода истории?

Но в общем и целом ситуация до будущего всевластия трехголовой царицы (толерантности-политкорректности-мультикультурности) в те времена еще не дошла. 60–70–80-е годы прошлого века являлись как бы пограничным переходным периодом. Ведь еще не был сокрушен Советский Союз! А это значит, что время трехглавой царицы еще не пришло.

Итак, ограничения были сняты, и с этим подавляющей части американского общества, которая придерживалась традиционных ценностей (WASP – белых англо-саксонских протестантов), предстояло жить. А что ж плохого? Помилуйте, ничего плохого в том, что, допустим, залы ожидания на вокзалах, общественные туалеты и места в транспорте стали равнодоступными и не делились по цвету кожи. Разве что случаи нападения черных на белых резко возросли. А еще появившиеся в 1966-м «Черные пантеры» готовы были с оружием в руках отстаивать собственные требования, одно из которых освободить афроамериканцев от воинской службы. Каково?! С одной стороны, расовое равноправие с общими унитазами, а с другой... Как там у классика: «На учет встану, а воевать не пойду». Тем более «Вьетнам на дворе». Все равны, но некоторые – «малые и угнетенные» – при случае равнее. Ничего из другой страны и другого времени не напоминает?

Но – продолжим. Ничего плохого, если кто-то **не хочет**, чтобы ее называли красивой и любили слишком трепетно. Ну, так ради Бога! Насильно мил не будешь. Желает женщина во время свидания с мужчиной сама за себя в ресторане платить – пожалуйста, какие вопросы.

Или иммигранты. Ну, едет их теперь большинство не из Европы Северной и даже не из Европы Южной, а из Африки, Азии, Южной Америки, Мексики и стран Карибского бассейна: так ведь не так много *пока* едет. Плохо только, что демпингуют с зарплатами и опять же преступность кое-где постепенно, но неумолимо растет. По какому-то странному стечению обстоятельств там растет, где новые иммигранты в приютившей их стране сосредоточиваются.

Геи? Их нельзя стало называть по старинке оскорбительно «faggots» («педиками»). И «психами» они быть перестали, раз из списка психически больных официально вычеркнуты. А что не так? Оскорблять и обзывать всегда дурным тоном считалось. Во все времена. Да и психами вряд ли могут являться так много ученых, артистов, художников, режиссеров, бизнесменов и так далее, если рассуждать логически. Все бы ничего, вот только если поверить очевидцам из документального фильма «Гей-секс в Америке в 70-х», кое-какие *неудобства* от сексуальных свобод появились. Ведь свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого?

В фильме представители нью-йоркской гей-общественности тех лет с нескрываемой гордостью рассказывают аудитории, как устраивали оргии в парках среди бела дня, клубах, банях, причалах Гудзона, пригородных пляжах, чуть ли не в общественном транспорте (в метро-сабвее). Как ни крути, а кому-то ведь это и мешать могло? Допустим, кто с детьми в Централ-парке нью-йоркском гулял. Или кто дядю в метро видел, который перед другим дядей промежность трет. Последнее, по словам одного из персонажей фильма, являлось призывным знаком в гомосексуальной среде. Впрочем, это и без пояснений понятно.

С религией сложнее. Все-таки поклонение Сатане – это для верующих традиционных конфессий, как бы сказать, не совсем приемлемо. Точнее, совсем неприемлемо. Но что ж поделать – демократия. Хотят чертям поклоняться – пусть поклоняются. Лишь бы не афишировали. Но журналисты во все времена были падкими до сенсаций. И потому мероприятия «новой церкви» стали широко и навязчиво освещаться, создавая ей немалую рекламу. Что бы ни делали сатанисты – свадебный обряд, «крещение» трехлетней девочки в новую веру, похороны моряка, якобы завещавшего похоронить себя по сатанинскому обряду – все вызывало репортерский ажиотаж. Причем оценки в прессе вовсе не являлись отрицательными. Более того, где-то были положительными и даже с умилением. Как, например, при «крещении» трехлетней дочери самого ЛаВея Зины Галатеи в 1967 году:

«Журналисты, прибывшие задолго до начала церемонии, были очарованы ангельской улыбкой девочки, которой предстояло быть посвященной дьяволу. «Сатанинское крещение» было составлено таким образом, чтобы доставить удовольствие ребенку».

Но все же церковь ЛаВея являлась в те времена скорее диковинкой. Количество членов невелико, а соответственно не велико и влияние. В 60-х и 70-х ее расцвет еще не наступил, а в 80-х (во времена традиционалиста Рейгана) сатанисты даже подвергались критике на официальном уровне. Равно как со стороны гомосексуалистов к республиканской администрации начала 80-х имелись претензии, что правительство не спешит бросить все дела (это в пик «холодной войны»-то!) и с головой окунуться исключительно в проблемы зараженных СПИДом геев. Но у Рональда Рейгана, приверженца традиционных ценностей и консерватора, была иная миссия. Именно он должен был сокрушить Советский Союз, дабы открыть наконец дорогу трехглавой царице.

* * *

Западная Европа, как принято этот термин понимать, во времена «холодной войны» всегда старалась идти в фарватере своего заокеанского партнера. Разумеется, не так слепо и безоговорочно, как за своим «старшим братом» Советским Союзом шли страны – сателлиты социалистического блока. Но если мы окинем взглядом процессы, подобные тем, что обсуждали выше, то очень многое покажется удивительно схожим. Да вот хоть вторая волна феминизма, начавшаяся в Великобритании и Франции тотчас, как она началась в США. Или открытые выступления геев. В 1970-м несколько сотен демонстрантов вышли на Кристофер-стрит в Гринвич-Виллидж, что считается первым «прайдом» – «парадом гордости геев». А первая демонстрация геев в Лондоне прошла следом в том же 1970 году, и через год состоялась в Париже.

Но были и специфические отличия.

Европейские страны, в отличие от США, никогда не являлись «странами пришлых» – то есть странами иммигрантов. Это Америка – страна иммигрантов, но Англия – нет. И Франция – нет. И Испания, Италия, Германия, Австрия, Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Голландия, Бельгия и т. д. – тоже. И если Америка была вынуждена существовать и интеллектуально развиваться за счет притока иммигрантов, прежде всего, естественно, из европейских стран, с европейским уровнем культуры и интеллекта, то для самих европейских стран это вынужденной необходимостью не являлось. В Европе не могла возникнуть проблема расовой сегрегации. Население в абсолютном большинстве однородно, так откуда сегрегации взяться?

А из бывших колоний! Всем известно, что вплоть до Второй мировой войны, а в некоторых случаях и позже, многие европейские страны имели колонии за «дальними морями-океанами». И с распадом колониальных империй стали возникать идеи об ответственности: о «бремени белого человека» и о «моральном и материальном долге» перед получившими независимость народами. Вместе с тем, для обычного европейского обывателя, появилась «подслащенная пилюля»: *Мы не можем их бросить на произвол судьбы, но и сами от этого получим выгоду. Пусть живут у нас в безопасности, выполняя при этом за нас всю грязную работу.*

Ярчайший пример – Франция. Эта страна сейчас оказалась «впереди планеты всей». Отвлекаясь и забегая чуть вперед: именно Франция среди западных стран – главный кандидат на то, чтобы события, которые описаны в фантастической антиутопии Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери», стали вовсе не фантастикой и не вымыслом, а неотвратимым будущим. И трудно представить силу, могущую что-либо изменить. Более того, в случае попытки что-либо изменить небезызвестные слова помощника члена Совета Федерации России Дагира Хасавова (правда, сказанные о другой стране – о Москве и России): «Если нам будут мешать, мы зальем город кровью, здесь (в Москве. – М.Р.) будет мертвое озеро» – эти слова именно во Франции могут подтвердиться первыми. В случае попытки изменить или помешать – они Францию кровью этнических французов зальют.

Итак, Франция. С 1954 года по 1962-й длилась война за независимость Алжира от Франции. Война не игрушечная, а вполне жестокая. Со средневековыми пытками пленных солдат, с убийствами гражданского населения и актами этнического геноцида. Как в приморском городе Оране, например. В этом городе 85 % населения составляли европейцы. Сразу же после объявления независимости Алжира в город вошли вооруженные люди, устроившие массовую резню. Следом по всей стране был выдвинут лозунг «чемодан или гроб». Около миллиона европейцев бежали из Алжира. Но не только они. Во Францию устремились те, кто называл себя лоялистами – те, кто выступал на стороне метрополии. Их становилось все больше. А как отличишь? Сегодня он клянется, что всегда был за «Единую Францию», а быть может, вчера резал в Оране женщинам и детям горло, убивал французов с 16 лет и бегал по гор... по пустыням с автоматом? Так или иначе решили пускать. Пусть *пока* работают на грязных низкооплачиваемых работах, а там будет видно.

Кто-то резонно скажет: а что французы хотели? Нечего было лезть, колонии захватывать. За все приходится рано или поздно платить.

В принципе, трудно не согласиться с подобным мнением. Но в данном конкретном случае пример не совсем корректный. Почему? А потому что в 1830 году французские войска вторглись в Алжир по причине того, что Алжир являлся центром пиратства. Почти точь-в-точь, как современный Сомали. С той лишь разницей, что Сомали далеко от европейских берегов. И страдали от этого пиратства прежде всего французские корабли.

Итак, мы все-таки вправе провести аналогии в ситуации с иммиграционными процессами во второй половине XX века с США. Несмотря на изначально однородный этнический состав в европейских странах, аналогии и с иммиграционными процессами, когда в страну идет миграция иных, отличных этносов, так и аналогии религиозные. С приходом или новообразованием религий, альтернативных основной традиционной религии в стране. Правда, в европейском варианте, в отличие от США, это в большей степени касалось не новообразованных полусект, типа церкви Сатаны, а религий традиционных. Например, Ислама.

А та самая «подслащенная пилюля», которую обещали коренным жителям Европы, в первое время себя оправдывала. Обратимся снова к опыту Франции и беженцев из арабского Алжира и других стран Магриба (Северной Африки). Действительно – первая волна послевоенных иммигрантов на многое не претендовала. Бежавшие в метрополию от войны люди довольствовались мирным небом над головой и готовы были выполнять тяжелую или неблагодарную работу. К тому же малооплачиваемую, с точки зрения коренных жителей. Снова забегаю вперед, это очень скользкий момент. Катрин Витол де Венден, из парижской Школы политических наук, в своем докладе отметила, что в сознании современных французов укоренилась развращающая мысль – выполнять грязную работу может только мигрант. В период кризиса 2008 года существовали надежды, что французы, по причине увольнений и безработицы, вытеснят мигрантов из Азии и Африки с рынка низкооплачиваемого труда. Однако этого не произошло.

Возвращаясь к первому поколению иммигрантов, продолжим. Они не просто довольствовались малым, получая меньше французов, но и в быту были крайне замкнуты и дисциплинированы. Несмотря на то, что у многих из них имелось французское гражданство со времен алжирской войны, эти люди вели себя так, как и подобает гостям. Они не рвались захватывать ниши в бизнесе, не били себя кулаками в грудь, что являются «тожефранцузами» или «французиянами», размахивая паспортами граждан Французской Республики. Но вместе с тем, что удивительно, именно это первое поколение проявляло способность к адаптации в новой стране, а местами и к будущей ассимиляции. Их дети во французских школах смогли находить общий язык со своими сверстниками. Впрочем, это легко объяснимо. Из-за мало-

численности дети мигрантов просто растворялись в школьной среде и ассимилироваться им волей-неволей приходилось.

Стоит добавить, что в 50-е и 60-е годы XX века во Францию продолжался приток иммигрантов и из других стран Европы – Португалии, Испании, Италии. Их адаптация, разумеется, проходила еще легче.

Так что – можно было уже торжествовать победу? Ставка на дешевую рабочую силу, которая не создаст ментальных и культурных неудобств по причине постепенной ассимиляции, себя оправдала? Ведь если стали заметны успехи с первым поколением и с первой послевоенной волной иммиграции, то дальше будет легче?

Все оказалось не так просто.

В 80-е во Франции началась так называемая «четвертая волна иммиграции». Мы с вами считаем со времен алжирской войны, поэтому давайте условно именовать эту волну «второй». Чтоб не запутаться. Итак, вторая волна:

Журнал «Эксперт» 2005:

«Четвертая волна, начавшаяся в середине 80-х, отличается от всех остальных изменившимся национальным составом иммигрантов, их целями и условиями жизни во Франции. В основном это уже африканцы (арабы и негры); они едут не столько работать, сколько жить во Франции; они едут в районы компактного проживания своих соплеменников – в ставшие уже арабскими пригороды французских городов.

Сработало сразу несколько факторов. Во-первых, экономическая ситуация в большинстве соседних с Францией стран выправилась, а потому радикально сократилось число иммигрантов из Португалии, Испании и Италии. Во-вторых, во Франции осела значительная часть третьей волны иммиграции (в нашем исчислении – первой. – М. Р.), а потому во французских городах образовались уже компактные поселения арабов, где основную массу составляли уже родившиеся во Франции арабы».

Появился интересный феномен. Те самые иммигранты первой послевоенной волны и их потомки натурализовались и уже не хотели выполнять низкоквалифицированную и низкооплачиваемую работу, с которой начинали. Они стали выбирать жизнь на пособие, предоставив рабочие места вновь прибывшим. Вот такая «трудовая эстафета», как любили говорить пропагандисты в СССР.

Французский историк Фернан Бродель подмечает и изменения, произошедшие с детьми новых и старых иммигрантов:

«В 80-х годах дети иммигрантов-мусульман оказались в положении отверженных и сами отвергают ассимиляцию, которая часто удавалась их отцам. Интересно, что во втором поколении ассимиляция иммигрантов-мусульман идет труднее, чем в первом».

Именно здесь, именно в этот момент не нужно было самим себе лукавить и делать удивленные глаза, чтобы спустя десятки лет прийти к однозначному выводу:

ИнформAGENTство «Росбалт» 2006:

«Прежде всего госпожа де Венден (Катрин Витол де Венден. – М. Р.) отметила, что европейская политика иммиграции потерпела полный крах. Все посылы, на которых она строилась в течение последних десятилетий, оказались неверными».

Именно в тот момент, когда дети иммигрантов-мусульман стали: *«Отвергать ассимиляцию, которая часто удавалась их отцам»*, достаточно было ответить на простой вопрос: «Почему?». И сразу понять, что **дальше лучше не будет**. Просто сопоставить и понять, что интеграция, ассимиляция, адаптация были возможны лишь тогда, когда в классе, допустим, был один ребенок из семьи арабских или африканских иммигрантов. Максимум два. И чис-

ленно они не могли противопоставлять себя остальным. Элементарные законы природы. Никто же не удивляется способности некоторых животных мимикрировать, подстраиваясь под окружающую среду?

Мимикрировать до той поры, пока не почувствуют силу.

Но в 80-х годах никто таких простейших ответов на простейшие вопросы не находил. Или не старался искать. Или находил, но помалкивал – ведь это неполиткорректно. Так или иначе каких-то резких движений в те годы никто делать не спешил, а потому приток иммигрантов продолжался и увеличивался.

Если мы посмотрим, как обстояло дело с иммиграционными процессами в других западноевропейских странах того времени, обнаружим интересную особенность. Постепенно мигранты в европейских странах распределялись весьма избирательно. Турки выбирали Германию (кстати, на сегодняшний день именно турки – самая многочисленная группа иммигрантов-неевропейцев в странах ЕС). Алжирцы, тунисцы и центральноафриканцы, как правило, Францию, албанцы, особенно после падения социалистического строя, перебирались в Италию и Грецию, где составили абсолютное большинство как легальных, так и нелегальных мигрантов. В Испании и Португалии традиционно много выходцев из стран Латинской Америки. Индусы и пакистанцы обосновались в Англии. Выходцы из бывшей голландской колонии Суринама – разумеется, в Голландии. А марокканцы распределены по всем европейским странам.

Кое-какие закономерности из приведенных выше примеров можно понять сразу. Естественно, миграционные потоки направлялись в большинстве своем из стран – бывших колоний, в страны – бывшие метрополии. Присутствовал вполне объяснимый моральный аспект. Почему бы не помочь тем, в том числе за счет кого долгие годы развивалась собственная экономика? Бытовало мнение, что, укрепив экономики стран бывших сателлитов, удастся повернуть миграционные потоки вспять. И даже репатриировать часть иммигрантов обратно. Однако надежды на это не оправдались. И вот почему:

«Росбалт»:

«Попытка сгладить приток мигрантов проведением «политики развития» стран – доноров рабочей силы провалилась. Для этих стран нелегальные мигранты зачастую являются одним из главных каналов притока денежных средств, и лишиться этого канала такие страны не хотят... К тому же руководство стран – поставщиков мигрантов, как правило, сильно коррумпировано, поэтому организовать какое-либо развитие в европейском ключе на их территориях не удалось».

И снова – ничего не напоминает?

Но есть в приводимом списке европейских стран те, выбор которых среди иммигрантов трудно объяснить колониальным наследием. Допустим, Германия и турецкие иммигранты. Мы все, разумеется, знаем, что после поражения во Второй мировой войне западногерманское правительство, как бы так сказать, *щепетильно* относилось ко всему, что могло быть связано с ущемлением прав на национальной или расовой почве. Но откуда взялись турки, с которыми немцы не воевали, а их страна никогда колонией Германии не являлась? Более того, это Турция *воевала* с Германией, объявив ей войну... 23 февраля 1945 года. Ну, это так – штришок к портрету. Так откуда и когда турки-то взялись?

А все тогда же. С окончанием маккартизма. В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов. Причина? А та же, с виду благая. Привлечение рабочих рук на низкооплачиваемую работу. При этом – министр труда и общественных дел ФРГ тех лет Теодор Бланк считал, что

привлечение гастарбайтеров из Турции ничем экономически не обосновано. Он заявлял, что в бедных районах огромное количество безработных немцев, готовых заполнить вакансии, что немцы умеют и хотят работать. И более того, привлечение иностранных рабочих из страны с такими культурными, ментальными и религиозными отличиями вредно для немецкого народа. Но!..

Историк Бернارد Кук, «Европа после 1945»:

«Правительство Соединенных Штатов Америки оказало давление на бундесканцлера Конрада Аденауэра в вопросе приема турецких рабочих».

...И в 1961 году соглашения о приеме временных рабочих из Турции были подписаны. Первая партия уже официальных гастарбайтеров приехала в том же году. Сперва небольшая – 7116 человек. Через два года был отменен двухлетний ценз пребывания. А в 1974 году, когда турецких граждан в Германии был уже почти миллион (на самом деле намного больше, так как натурализованные (получившие гражданство) в статистику уже, разумеется, не попадали), был принят закон «О воссоединении семей». Закон, разрешающий гастарбайтерам привозить в Германию своих жен, детей и прочих близких родственников. Принят он был с официальной формулировкой о снятии социального напряжения в среде одиноких мужчин. Если говорить человеческим языком, без эвфемизмов, потому что случаев изнасилований немецких женщин турками становилось все больше и больше. (Эх, параллели-анalogии!) Правительство Федеративной Республики даже предпринимало попытки к реэмиграции турецких рабочих. Естественно, не с помощью силовых или принудительных мер, а с помощью значительного материального стимулирования. В какие-то периоды, например в ходе рецессии 1966–1967 гг. или кризиса 80-х, это приносило определенные плоды. Но въезжало все равно больше, чем удавалось спровадить с миром на родину. Любопытный факт, не правда ли? С одной стороны, бесконечные мантры об экономической целесообразности, материальной выгоды, «дружбе народов», «национальном равенстве», а с другой – правительство само готово доплачивать, лишь бы избавиться от засидевшихся гостей!

Сухим, четким языком, с упором на цифры и факты, о процессах, происходивших и происходящих поныне в Германии, написана книга члена правления Бундесбанка Тило Сарацина. Книга называется так же просто и емко: «Германия: самоликвидация». Этот труд стал общеевропейским бестселлером, поскольку поднятые вопросы касаются не только Германии. Немецкое информагентство DPA привело данные социологического опроса, согласно которым 51 процент опрошенных граждан ФРГ полностью поддерживают те мысли, что высказаны в книге. Есть, впрочем, и ее противники. Коллега Сарацина вице-президент турецкого центрального банка Ибрагим Турхан в интервью газете Sabah заявил, что «Аллах мог бы дать Сарацину побольше мозгов». Генеральный секретарь Центрального совета евреев Германии Штефан Крамер сравнил автора с Гитлером, Герингом и Геббельсом в одном лице, заметив, что они были бы ему благодарны. Наконец, прокуратура Германии начала предварительное расследование в отношении Тило Сарацина по факту **разжигания межнациональной розни**.

Но давайте все-таки не убоимся того, кому «не хватает мозгов». Того, кому благодарны Гитлер с Герингом, Геббельсом и, вероятно, далее по списку и кто дружбу *пламенную нерушимую* немцев с «тожеденцами» разрушить хочет, рознь разжигая. Давайте, пусть и с опаской, аккуратно посмотрим, чего же такого это «чудище-юдище» в книжке своей могло написать?

Начнем с того, что книга «Германия: самоликвидация», ставшая, повторюсь, общеевропейским бестселлером, в Российской Федерации, естественно, не издавалась и даже не переводилась на русский язык. (В данный момент издана. – М.Р.) Читать ее можно либо в оригинале, либо на языках тех стран, в которых она издавалась. Но и в России нашлись энтузиасты,

кто по личному почину и не на коммерческой основе книгу перевел. В данный момент нас интересует тот период в истории Германии, о котором мы вели речь выше. Период 20–30—40-летней давности:

«На протяжении последних 45 лет рассуждать о демографическом кризисе считалось неблагоприятным. Тот, кто был не согласен с мнением большинства, представляющим все в безобидном свете, тот, кто был обеспокоен, рано или поздно вынужден был признать, что он одинок в своем мнении и часто получал обвинения в национализме. Помимо этого общественные обсуждения в Германии имеют странный парадокс: с одной стороны, публичные дискуссии возникают в связи с желанием поразвлечься и получить удовольствие от скандала, с другой стороны, в открытых спорах все чаще возникают эвфемизмы политических терминологий.

Вообще о последствиях низкой рождаемости ничего нельзя было говорить, если вы не хотели попасть под подозрение. Сейчас, когда поколение 60-х беспокоится о своих пенсиях, говорить об этом стало можно, но это произошло на 40 лет позднее, чем должно было произойти.

Негативно отзываться об интеграции иммигрантов в общество было всегда запретным. А уж говорить о том, что все люди разные, а именно, кто-то менее или более интеллектуально одаренный, кто-то ленивый, а кто-то старательный, кто-то более или менее нравственно крепкий, и вовсе никто не мог. Дискуссии на тему ошибок в управлении государством также являлись табу».

В своей книге Тило Сарацин много внимания уделяет вопросам демографии. На этом моменте мы сейчас акцентироваться не станем, тем более что он не одних лишь немцев и западноевропейцев с американскими WASP касается. Нам интересна другая мысль. Прежде всего то, что не сегодня, не вчера, а уже достаточно давно в Германии наступили времена, когда людям не рекомендовалось задумываться о кое-каких вещах. Нет-нет, не о сомнениях в успешной интеграции культурно чуждых иммигрантов речь – боже сохрани! Такие вещи, да еще и в Германии после Второй мировой – абсолютное табу. Это же нацизм с фашизмом и экстремизмом в чистом виде! Так и до концлагерей недалеко! Но, как видим из книги жившего в ту пору Сарацина, даже невинные на первый взгляд вопросы казались кое-кому крайне опасными. А на тех немцев, кто задумывался на шаг вперед и их задавал, вешали ярлыки обвинений в национализме. И не по глупости или от безделья вешали, как может показаться. Далеко не по глупости! Допустим, что может быть плохого или опасного, если человек обращает внимание своих сограждан на не слишком радужные демографические перспективы? Это в обескровленной страшной войной стране-то! О том, что постепенно начинается тенденция к уменьшению рождаемости. Или ставит вопросы об экономической нецелесообразности привлечения работников со стороны, раз своих безработных полно. А здесь-то что не так? Однако, как видим, нельзя было такие вопросы ставить. И не только в Германии.

И все-таки можно увидеть различия в тех глобальных процессах, которые вдруг **одновременно** начались и в Америке, и в Европе после странного взлета и падения короткой, но мощной операции «Маккартизм». Различия не стратегические, а тактические.

Каковым, с еще незапамятных царских времен, был для нас – россиян – стереотип, допустим, француза? Утонченный гедонист, ценитель элегантных нарядов, любитель изысканной еды, напитков и женского пола, обладатель хороших манер. Ну, и еще человек, как бы так сказать помягче, *рачительный*: не мот, одним словом. Учтем еще, что обвинить француза в задавании *опасных вопросов* было бы сразу после войны несколько затруднительно – все ж таки в коалиции Союзников Франция состояла и с нацизмом боролась. И потому – та самая «подслащенная пилюля». Зачем представителю такого утонченного народа грязную работу выполнять,

когда для того из других мест желающих подвезти можно? А теперь вспомним слова Катрин Витол де Венден, что: *«В сознании современных французов укоренилась развращающая мысль – выполнять грязную работу может только мигрант»*.

Но немец же – стереотип немца это – не только бравый вояка, но и образец дисциплины, аккуратности и трудолюбия. И станет такой, привыкший к аккуратности и труду человек, за собой, извините, дерьмо подбирать. Как пить дать станет, как ни изгаляйся, ведь к чистоте и порядку с детства приучен! А вдобавок еще и безработица с послевоенной бедностью подстегивают. Как с этим-то быть?

А запретить лишние вопросы задавать, и все тут!

А на недогадливых и упрямых управа найдется, не сомневайтесь.

Ладно. С экономикой и вопросами неудобными по ней ясно. Всем по «пилюле подслащенной», а немцам просто рот на замок. Рецепт найден. Но с демографией-то что придумать? Ну, немцам опять же – тот же «рецепт». Это зачем это вы, немцы, так о рождаемости печетесь? Может, вы снова солдат хотите расплодить германских, чтобы всему миру угрожать?!

А как с остальными европейцами поступить, чтоб мозги мыслями не пачкали?

Спокойно! На это сразу три ответа, – три фактора *по странному стечению обстоятельств* тут же отыскались. И хороши они – вкуче.

Каждый человек на планете Земля любит то, что модно и весело. И далеко не каждый то, что постыдно и осуждаемо. Но если постыдное и осуждаемое весьма вписывается в нужную схему, что делать? Ответ очевиден – сделать так, чтобы постыдное и осуждаемое превратилось в модное и веселое. Да вот хоть с азов, прямо с названия и начать:

«Большая Российская Энциклопедия»:

«Гей (англ. gay) – английское прилагательное, изначально означавшее «беззаботный», «веселый», «яркий, театральный». Однако в современном английском языке (с 1960-х) это слово обычно используется как существительное или прилагательное, обозначающее однополую сексуальную ориентацию – гомосексуальность».

Весело и модно стало являться геями, которые, как известно и как поет классик русского шансона Вилли Токарев: *«всегда приметные, всю жизнь бездетные, и на аборт эти дяди не идут»*. Яркие, красочные гей-парады привлекают в свои ряды новых бойцов-участников. Простота и доступность в поисках новых партнеров, а главное – некая элитарность, создают нужную ауру удобства и приобщения к «тайному высшему обществу». Во всей Европе существуют аналоги популярного анекдота: «Доктор, я гей. – А вы артист, кутюрье, режиссер, художник, политик? – Нет, доктор, я слесарь. – Э, ну, тогда вы не гей. Вы...». Ну и для пушей «элитарности» сделать так, чтобы на социальную верхушку попадали *нужные люди*. Дать толчок, а после они и сами *своих подтянут*.

То есть имеется определенная категория людей, коих влечет в сексуальном плане не к противоположному, а к собственному полу. И всегда, во все времена имелаась. Этих людей не нужно заманивать красивыми названиями, модными парадами, рекламой элитарности и возможностью легкого «круизинга» – поиска новых партнеров. Эти люди – такие, какие они есть. И будут оставаться верными своим предпочтениям, несмотря ни на что.

Однако таких людей – «истинных гомосексуалистов», как обозначают медики, есть определенное количество. А если сделать так, чтобы это количество искусственно увеличить с помощью людей не с врожденными, а с приобретенными наклонностями? Легко! Нужно просто, чтобы постыдное и осуждаемое превратилось в модное и веселое.

Эта же картина и с представительницами противоположного пола. Даже термин общий придуман – ЛГБТ. Лесбиянки, геи, бисексуалы и транссвеститы. Резонно было в те времена начала 60-х – начала восхождения трехглавой царицы, предположить, что большинство пред-

ставителей ЛГБТ-сообщества не смогут или не захотят иметь детей. И не станут интересоваться вопросами демографии. Браки и усыновления еще запрещены, да и своих детей иметь не можешь: с чего уж чужими-то интересоваться? И теоретически в первый фактор можно было бы подтянуть **любые нетрадиционные сексуальные вкусы**. Все они, так или иначе, отвечали поставленным задачам. Просто оказалось, что создать предпосылки для пропаганды ЛГБТ-движения в странах Европы и США более перспективно, нежели чем пропаганда, допустим, зоофилии. Разумеется, и в Европе, и в США определенный процент тех, кто предпочитал проводить *douce* не с мужчинами, не с женщинами, а например, с осликами – имелся. Но все-таки процент, простите за тавтологию, любителей *любви* с ослами в Европе – Америке был невелик, не тот случай. И потому упор **пока** был сделан на более *традиционное* ЛГБТ.

Хорошо. Но ведь, как ни пропагандируй, как ни создавай предпосылки, а людей с традиционными сексуальными предпочтениями все равно останется подавляющее большинство. У них будут семьи, а соответственно, и...

А женщина не инкубатор! Это мужчины из сексистских и шовинистических побуждений выдумали устаревшие догмы, что женщина должна быть «хранительницей домашнего очага», «ангелом-хранителем своих детей», «верной и преданной женой» и прочую атавистическую глупость. Долой заскоружные стереотипы! Женщина – полноправный член общества, со всеми доступными возможностями. Она имеет полное право развиваться в профессиональном плане, делать карьеру, строить личную жизнь таким образом, чтобы прежде всего получать удовольствие, а не ради семейных уз. «Думай прежде всего о своем оргазме» – таков был девиз, ставший новым рекламным слоганом в многочисленных женских журналах.

Ну, и чего такого плохого, по большому-то счету? В конце концов, шла вторая половина XX века. Мир стремительно развивался и менялся. Действительно трудно что-либо возразить, трудно найти осмысленные аргументы, чтобы отказать женщинам в нормальных человеческих правах. Нельзя запретить или ограничить кого-то в возможности самореализации, если человек **способен** достичь определенного успеха. И если одна условная женщина X и в потенциале, и по окончательному результату сможет добиться в определенной сфере большего, чем условный мужчина Y, то никто не вправе лишать женщину возможности доказать это на практике. Если этого не получится – значит, жизненные законы все расставят по своим местам. Но законы эти будут равны для всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.